Литрес ≡ Классика

Генри Райдер Хаггард

ЗАВЕЩАНИЕ МИСТЕРА МИЗОНА

Генри Райдер Хаггард
Завещание мистера Мизона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74201816
Завещание мистера Мизона / Генри Райдер Хаггард: Литрес Классика; Москва; 2026

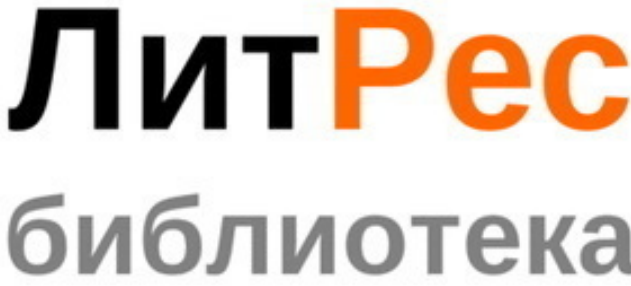
Аннотация

Что делать, если единственная копия завещания, способного лишить наследства законного владельца, навсегда утеряна в морской пучине? Ответ знает эксцентричный миллионер Мизон: он приказывает вытатуировать текст своей последней воли на спине молодой попутчицы. Вернувшись в Англию, девушка и её случайный спутник попадают в водоворот судебных интриг, алчности и скандалов, где авантюрный сюжет и английский юмор переплетаются с размышлениями о границах человеческой изобретательности и цене богатства.

Содержание

I. Фирма «Мизон и К°» 5
II. Юстас лишается наследства 17
III. Августа Смиссерс и ее сестренка 30
IV. Решение Августы 39
V. На корабле «Канчаро» 46
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Генри Райдер Хаггард
Завещание мистера Мизона



© «Литрес», 2026

I. Фирма «Мизон и К°»

Каждый, кому случалось побывать в Бирмингеме, наверняка знает огромное здание, известное под кратким назва-

нием «Мизон», – быть может, наиболее замечательное учреждение во всей Европе. В то время когда начинается наш рассказ, в издательскую фирму «Мизон» входили три компаньона: сам Мизон, директор, мистер Аддисон и мистер Роскью.

Обитатели Бирмингема уверяли, что были еще и другие компаньоны, также заинтересованные в деле.

Как бы то ни было, но фирма «Мизон и К°» была, несомненно, удивительно богатым коммерческим предприятием. Целых два акра[1] земли занимали освещенные электричеством типографии, в которых работало более тысячи человек.

Сотни торговых агентов и коммивояжеров фирмы разъезжали с востока на запад, с севера на юг, продавая повсюду книги, выпущенные фирмой «Мизон и К°», – по большей части религиозного содержания. Двадцать пять собственных сочинителей сидели в укромных уголках и строчили, получая за это различное жалованье, и неделя за неделей выпускали целую массу книг с иллюстрациями собственных же художников.

Были тут редакторы, начальники отделений, их помощники, секретари, корректоры, управляющие. Никто не знал их имен, потому что все служащие фирмы различались по номерам, личностей и личной ответственности здесь не существовало вовсе. Из опасения, чтобы какой-нибудь «номер»

[1] Акр – английская мера площади, равная примерно 0,4 га.

не расчувствовался над чужими несчастьями и денежные интересы фирмы не пострадали от этого, всем, имевшим дело с ней, не позволялось видеть один и тот же «номер» более одного раза.

Короче говоря, издательская фирма «Мизон и К°» создавалась ради денег и поклонялась деньгам, и это назойливо бросалось в глаза всем, кто вступал в эту счастливую область коммерции.

Неудивительно, что компаньоны мистера Мизона были очень богаты, и их дворцы служили бы предметом удивления, наверное, и в древнем Вавилоне, и среди роскошнейших построек древнего Рима. Где еще можно было видеть таких удивительных лошадей, такие экипажи, такие дивные галереи живописи и скульптуры, коллекции драгоценных камней, как у почтенных компаньонов господ Мизона, Аддисона и Роскью?

– Подумайте только! – говорил почтенный мистер Мизон какому-нибудь удивленному бедному автору, которого он желал подавить видом всего этого великолепия. – Подумайте, ведь все это создал мозг человека, подобного вам. Скажу вам, молодой человек, если бы все деньги, уплаченные со времен Елизаветы вам, бумагомарателям, собрать вместе, – из них можно было бы возвести целую колонну. Трудно поверить, что все это сделал простой фокус – религия. Благочестие обогащает нас, особенно в печатном виде!

Доверчивый юноша уходил, подавленный всем виденным,

с переполненным сердцем, раздумывая о словах главы фирмы, и мало-помалу загорался желанием попасть в горнило мистера Мизона и поучиться там кое-чему.

Однажды мистер Мизон сидел в конторе и считал деньги, просматривая счетные книги.

Он был в дурном расположении духа, его мохнатые брови грозно нахмурились, так что клерки дрожали, сидя на своих стульях.

В Австралии, в Сиднее, существовало отделение фирмы «Мизон». И вдруг случилось неприятное событие. Большая американская издательская фирма открыла свое отделение в Мельбурне, и клиентура ее была обширнее клиентуры Мизона. Едва только фирма «Мизон и К°» выпустила издание одного автора, назначив три пенса за том его сочинений, конкурент издал то же сочинение ценой в два с половиной пенса за том. Когда фирма «Мизон и К°» назначила субсидию одной газете, чтобы поддержать ее, американская фирма выдала субсидию двум газетам, которые начали отчаянно рекламировать ее, и так далее в этом роде.

Результат конкуренции сказался очень скоро: финансовый год приходил к концу, и австралийское отделение фирмы выработало нищенский дивиденд – около семи процентов.

Понятно, почему мистер Мизон был взбешен и клерки фирмы дрожали на своих местах.

– Это нужно проверить, Номер третий! – приказал мистер

Мизон, яростно стукнув кулаком по счетной книге.

Номер третий был один из редакторов, маленький человек в синих очках. Когда-то он считался многообещающим писателем, но мистер Мизон сделал его своей собственностью и закабалил в фирме.

– Совершенно верно, сэр, – скромно ответил он, – это очень скверно, ужасно даже подумать… семь процентов! Семь процентов! – он сжал руки в припадке горя.

– Да не стойте же, словно глупая свинья, Номер третий! – сердито вскричал мистер Мизон. – Придумайте что-нибудь!

– Слушаю, сэр, – еще смиреннее склонился Номер третий, который страшно боялся своего патрона, – я думаю, что кто-нибудь должен отправиться в Австралию и узнать все на месте!

– Я знаю одно, что нужно сделать, – возразил ворчливо мистер Мизон, – все эти дураки там или сами воруют, или всеми кругом обворованы. Я поеду туда сам и разберу все! Так и будет, Номер третий, так и будет!

Номер третий ушел, очень довольный, что отделался от патрона. Вместо него явился клерк и подал патрону карточку.

– Мисс Августа Смиссерс! – прочитал великий человек и, крякнув, произнес:

– Попросить сюда мисс Августу Смиссерс!

Мисс Августа вошла в контору. Это была высокая, хорошо сложенная молодая особа двадцати четырех лет от ро-

ду, с красивыми золотистыми волосами, глубокими серыми глазами, нежным лицом и маленьким прелестным ртом. Она выглядела очень расстроенной.

– Что случилось, мисс Смиссерс? – спросил мистер Мизон.

– Я пришла к вам, мистер Мизон, по поводу моей книги!

– Вашей книги? Какой? Простите меня, но мы издаем такую массу книг. Ах да, я припоминаю: «Обет Джемимы!» Да. Я полагаю, она имеет успех!

– Я видела на книге, что она разошлась тиражом в шестнадцать тысяч экземпляров! – заметила мисс Смиссерс.

– Разве? О, тогда вы знаете это лучше меня!

Мистер Мизон посмотрел на посетительницу, давая ей понять, что разговор окончен.

Мисс Смиссерс встала, потом, сделав над собой усилие, снова села.

– Мистер Мизон! – произнесла она. – Я думаю, что… так как моя книга «Обет Джемимы» имела огромный успех, быть может, вы согласитесь добавить мне хотя бы небольшую сумму к тому гонорару, который я получила за нее?

Мистер Мизон снова взглянул на посетительницу. Он так сильно нахмурился, что его маленькие острые глазки совсем спрятались под нависшими седыми бровями.

– Что такое? – спросил он. – Что такое? В этот момент дверь отворилась, и в контору медленно вошел молодой человек, очень милый с виду, высокий, статный, с прекрасным

цветом лица и чудесными голубыми глазами – типичный молодой англичанин, двадцати четырех лет от роду. Он вошел медленно, с веселым и независимым видом, что составляло слишком разительный контраст с подобострастной угодливостью служащих, пресмыкавшихся перед патроном. Молодой человек даже не дал себе труда снять шляпу, сдвинутую на затылок; засунув руки в карманы и что-то насвистывая, он одним толчком открыл дверь в святилище Мизона и предстал перед главой фирмы.

– Как поживаете, дядя? – обратился он к мистеру Мизону, как к обыкновенному смертному. – Что с вами?

Тут он заметил красивую молодую даму, сидевшую в конторе. Моментально в нем произошла перемена. Руки сами собой убрались из карманов, шляпа слетела с головы; повернувшись к даме, он вежливо поклонился ей.

– Что тебе нужно, Юстас? – проворчал мистер Мизон.

– Ничего, дядя! Ничего особенного!

Не дожидаясь приглашения, молодой человек взял кресло и сел так, чтобы видеть лицо мисс Смиссерс.

– Я хотел сказать вам, мисс Смиссерс, – продолжал мистер Мизон, – что не совсем понимаю, чего вы желаете. Извольте припомнить, что вы получили за книгу солидную сумму в пятьдесят фунтов!

– Великий Боже! – пробормотал молодой человек. – Что же это такое!

– Во время переговоров, – Мизон строго взглянул на по-

сетительницу, – вам было предложено семь процентов с каждой новой книги, которую вы принесете нам, и если бы вы согласились и приняли эти условия, у вас, несомненно, была бы в руках достаточная сумма денег!

Мистер Мизон снова нахмурил свои косматые брови и весьма недружелюбно посмотрел на бедную девушку.

Августа, хотя ощущала величайшее желание убежать, продолжала оставаться на своем месте, потому что сильно нуждалась в деньгах.

– Я не могу поставлять вам книги, получая семь процентов, мистер Мизон! – проговорила она скромно.

– Боги! Семь процентов, когда он получает тридцать пять! – снова пробормотал Юстас, продолжая оставаться на заднем плане.

– Возможно, мисс Смиссерс, очень возможно! – продолжал великий человек. – Вы должны извинить меня, если я не вполне осведомлен в ваших личных делах! Я знаю по опыту, что у большинства пишущей братии денежные дела всегда плохи!

Августа молчала. Мистер Мизон встал, подошел к стоявшему рядом шкафу и извлек оттуда связку документов. Он просматривал их один за другим, пока не нашел того, который был нужен.

– Вот договор! – сказал он. – Посмотрим! Ага! Я так и думал. Литературная собственность – пятьдесят фунтов… вот за право перевода – ваша подпись, которой вы согласились

за всю свою будущую работу для нас в эти пять лет получать семь процентов или сумму, не превышающую сотни фунтов, за всякую литературную собственность!..

Ну, что вы скажете, мисс Смиссерс? Вы добровольно подписали бумагу. Случилось так, что книга ваша имела успех… Разве я должен докладывать, что мы вернули уплаченную вам сумму? Разве это достаточное основание для вас, чтобы приходить и требовать еще денег, сверх того, что вам угодно было получить по условиям договора? Я никогда не слыхал ничего подобного за всю мою долголетнюю практику, никогда!

Он замолчал, сурово смотря на посетительницу.

– Во всяком случае, я должна бы что-нибудь получить за право перевода моей книги, я знаю, что она была переведена во Франции и Германии! – возразила Августа неуверенно.

– О, несомненно! Юстас, будь так добр, позвони!

Молодой человек повиновался. Появился высокий, меланхоличного вида клерк.

– Номер восемнадцатый, – проворчал мистер Мизон дружеским тоном, которого старался придерживаться в отношении своих служащих, – напишите счет за перевод книги «Обет Джемимы» и дайте сюда чек для уплаты автору!

Номер восемнадцатый исчез, как привидение.

– Если вам нужны деньги, мисс Смиссерс, – снова заговорил патрон, – вы лучше бы сделали, если бы написали новую книгу! Я не отрицаю, что ваша работа очень хороша, пожа-

луй, слишком глубока и не совсем в духе господствующей религии, но хороша! Я сам просматривал книгу, что делаю очень редко, заметил ее большие достоинства и знал, что на нее будет спрос. А в этом я никогда не ошибаюсь! Я полагаю, что книга выдержит много изданий… а вот и счет!

Снова появился подобный призраку клерк, положил на конторку перед патроном лист бумаги и неподписанный чек, улыбнулся бледной улыбкой и исчез.

Мистер Мизон взглянул на счет, подписал чек и подал их Августе. Августа, увидев счет, скомкала чек в руке.

– Насколько я понимаю, мистер Мизон, – сказала она, – вы продали права на перевод моей книги, так как убедили меня предоставить их вам… Мне остается получить три фунта с чем-то?

– Да, мисс Смиссерс. Будьте добры подписать свое имя. У меня масса дел сегодня!

– Нет, мистер Мизон, – ответила Августа, вставая с места, раздраженная и удивительно красивая в своем гневе, – нет, я не хочу подписаться, я не возьму чека. Более того, я не буду ничего писать для вас, ни одной книги. Вы поймали меня в ловушку! Вы воспользовались моей наивностью и неопытностью и закабалили меня еще на пять лет. Хотя моя книга очень популярна, хотя меня любят и читают в Англии, я вынуждена получать за свою работу сумму, на которую нельзя существовать. Знаете ли вы, что вчера мне предлагали тысячу фунтов за мою книгу? Это большая сумма, но я могу

доказать, что говорю правду… у меня есть письмо! Да, у меня осталась рукопись книги. Если бы я могла напечатать ее, то избавилась бы от нужды вместе со своей сестренкой… – У нее вырвалось рыдание. – Но, – продолжала Августа, – я не могу напечатать ее и не отдам вам, потому что не хочу, чтобы меня так эксплуатировали! Скорее я умру с голоду. Я не буду ничего писать и печатать у вас все эти пять лет, я напишу в газетах почему и скажу, что вы меня обманули, мистер Мизон!

– Обманул! – загремел великий человек. – Осторожнее, мисс, думайте, что говорите! У меня есть свидетель… Юстас, ты слышишь? Обманул! Я ее обманул! Слышишь, Юстас?

– Слышу! – мрачно ответил молодой человек.

– Да, мистер Мизон, я сказала, что обманута вами, и повторю это, когда и где вам угодно. Доброго утра!

Она поклонилась и вдруг неожиданно разразилась целым потоком слез.

В одну секунду молодой человек очутился подле нее.

– Не плачьте, мисс Смиссерс! Ради Неба, не плачьте! Я не могу видеть ваших слез!

Августа благодарно взглянула на него своими прекрасными, полными слез глазами и пыталась улыбнуться.

– Благодарю вас! – произнесла она. – Я смешна, но, право, мне так тяжело! Если бы вы знали… Мне пора идти! Благодарю вас! – Она быстро вышла из комнаты.

– Наконец-то, – выдохнул мистер Мизон, сидевший за своей конторкой с открытым от удивления ртом. – Но какая злая женщина! Она вернется к нам! Я видал таких… там сидят двое таких же!.. – Он ткнул пальцем в том направлении, где сидели, словно кролики в норах, закабаленные авторы и с точностью машин писали книги. – Эти так же бесились… Теперь они успокоились и не показывают свой норов! Я знаю, как поступать с ними, – половинная плата и двойная работа… это отличное средство! Каково! Эта девица обойдется нашей фирме в полторы тысячи фунтов в год! Что ты думаешь об этом, юноша? А?

– Я думаю, – проговорил племянник, на добродушном лице которого ясно читалось раздражение, – я думаю, что вам должно быть стыдно за себя!

II. Юстас лишается наследства

Наступила пауза – ужасная пауза. Словно молния сверкнула в грозной туче, хотя грома еще не было слышно. Мистер Мизон тяжело дышал. Схватив чек, брошенный Августой на стол, он гневно комкал его в руке. – Что ты сказал? – произнес он холодным, злым тоном.

– Я сказал, что вы должны стыдиться самого себя, – повторил племянник, смело глядя в лицо патрона, – и продолжаю думать это!

– Ого! Так будь добр, объясни мне, почему ты это сказал и почему так думаешь?

– Я думаю это, – громко и уверенно отвечал племянник, – потому что девушка была права, вы обманули ее и отлично знаете, что это правда! Я просматривал счет за «Обет Джемимы» сегодня утром… Вы нажили на книге более тысячи фунтов барыша. И когда она пришла к вам просить прибавить ей что-нибудь сверх этих жалких пятидесяти фунтов, которые вы ей уплатили, – вы отказываете и предлагаете ей три фунта за право перевода ее книги – три фунта, тогда как вы получили тысячу фунтов.

– Продолжай! – прервал его дядя. – Прошу тебя, продолжай!

– Хорошо! Я продолжаю. Это еще не все: вы сыграли ловкую шутку и поймали несчастную девушку в ловушку, по

условию она – ваша раба на целых пять лет! Заметив в ней талант, вы уверили ее, что издержки на распространение и перевод ее книги так велики, что она не в силах взять их на себя… Она соглашается отдавать вам все, что напишет за пять лет, за половину обычного гонорара, который получает всякий имеющий успех автор!

Вы воспользовались ее неопытностью и связали ее условием, отлично зная, что, дав ей вперед денег, вы ее окончательно закабалите, а потом отправите в те норы, где сидят ваши злосчастные авторы, где всякий талант, самобытность, ум подавляются механической работой и где эта девушка обратится в пишущую машину. Фирма «Мизон и К°» – чисто коммерческое предприятие, и вы знаете, что ее продукция далека от гениальности, что она не выносит истинного таланта и гордится своей тупой и нелепой литературой! Это чертовски стыдно, дядя!

Молодой человек, голубые глаза которого горели негодующим огнем, – он хорошо знал все дела фирмы, потому что сам немало поработал для нее, – стукнул кулаком по конторке, как бы подтверждая свои слова.

– Ты закончил? – спросил его дядя.

– Да, я закончил и надеюсь, что изложил все достаточно ясно!

– Очень хорошо! Могу я теперь спросить тебя, намерен ли ты придерживаться своих взглядов, своей системы, если допустить, что ты будешь управлять делами нашей фирмы?

– Конечно. Никогда и ни за что я не соглашусь поступать бесчестно!

– Благодарю. Ты, вероятно, в Оксфорде навострился так красноречиво излагать свои мысли, хотя, по-видимому, ты мало чему научился там! Хорошо. Теперь моя очередь говорить. И я скажу тебе, друг мой, вот что: или ты должен сейчас же извиниться передо мной за твои слова, или ты навсегда покинешь мой дом!

– Я не желаю просить извинения за то, что сказал правду! – горячо отвечал Юстас. – Ведь вы никогда не слыхали здесь правды. Все эти бедняги пресмыкаются перед вами и не смеют вымолвить ни слова. Я буду чертовски рад выбраться из вашей лавки. Я ненавижу ее. Здесь требуются большая практика и умение делать деньги всеми нечистыми путями и способами!

Мистер Мизон пока сдерживался, по крайней мере внешне. Но последние слова племянника слишком больно задели директора фирмы; до сих пор богатство, деньги защищали великого человека от выслушивания неприятных истин. Лицо мистера Мизона исказилось от злобы, брови грозно нахмурились, бледные губы дрожали от ярости.

Несколько секунд он не мог произнести ни единого слова, задыхаясь от волнения. Наконец он заговорил тонким, дрожащим от ярости голосом.

– Бесстыжий мерзавец! Неблагодарный найденыш! Не думаешь ли ты, что я спас тебя от голодной смерти и принял

в свой дом, когда мой брат предоставил тебе умереть с голоду, – и это было бы самое лучшее для тебя, – для того, чтобы ты нахально являлся ко мне и читал наставления? Нет, юноша! Можешь отправляться вон и вести свои собственные дела, как тебе угодно! Уходи прочь из моего дома и не смей показывать здесь носу, или я прикажу выгнать тебя при первой же попытке явиться сюда! Это еще не все. Мы покончили с тобой, ты никогда не увидишь гроша от меня! Я не могу выносить тебя более… Знаешь ли, что я сделаю еще? Я отправлюсь к старому Тодди, своему адвокату, скажу, чтобы он приготовил новое завещание, и оставлю все свое состояние – около двух миллионов – Аддисону и Роскью. Им это вовсе не нужно, но я это сделаю. Ты не получишь ничего, ни одного фартинга. Теперь, мой милый молодой джентльмен, отправляйтесь вон… Увидим, на что вы будете жить с вашими новыми принципами!

– Хорошо, дядя. Я уйду, – спокойно отвечал молодой человек. – Я понимаю, что был причиной нашей ссоры, но не жалею, что сказал вам правду. Мне всегда было тяжело зависеть от вас и вести дела с фирмой «Мизон». Моя мать оставила мне сотню фунтов, и с этими деньгами и с моим образованием я надеюсь как-нибудь прожить. Но мне не хочется расставаться с вами в ссоре, потому что вы были добры ко мне и, как справедливо напомнили сейчас, спасли меня от голодной смерти, когда я осиротел. Я хотел бы пожать вашу руку, прежде чем уйду!

– Ага! – усмехнулся дядя. – Вам хотелось бы помириться теперь. Этого не нужно. Уходите! Чтобы ноги вашей не было в моем замке Помпадур! – мистер Мизон сел. – Можете собрать свои вещи и уходите!

– Вы не поняли меня! – возразил Юстас с достоинством. – Вероятно, мы никогда больше не увидимся, и мне не хотелось уходить от вас в ссоре. Доброго утра! – Он поклонился и ушел.

– Смутился!.. – пробормотал мистер Мизон, когда за племянником закрылась дверь. – Вздумал показывать характер! О, я тоже с норовом и что сказал, то и сделаю! Не дам ему ни одного шиллинга! Пусть убирается ни с чем! Проклятье! Я все же привязан к этому молодцу!.. И все из-за какой-то девчонки Смиссерс! Может быть, он влюблен в нее? Пусть убираются и вместе умирают с голоду! Для нее выгоднее было бы держаться за меня, у нее были бы деньги, – это так же верно, как то, что меня зовут Джонатан Мизон! Она все еще у меня в руках вот по этому контракту, и, если она осмелится где-нибудь напечатать книгу, я раздавлю ее – да, раздавлю, хотя бы это стоило мне пять тысяч! – Он яростно стукнул кулаком по столу.

Потом он встал, аккуратно убрал договор с Августой и отправился посетить разные отделения своего заведения, чтобы разнести всех и вся.

Клерки фирмы долго вспоминали об этом ужасном дне, затаив дыхание. Ярость Мизона разразилась над подчинен-

ными, подобно злобе кровожадного Гектора против греков, подобно гневу Рамсеса, нещадно давившего своей колесницей полки варваров.

В первой комнате он поймал злосчастного клерка, жующего сандвичи. Не задумываясь, он схватил сандвичи и вышвырнул их за окно.

– Вы полагаете, я плачу вам за то, чтобы вы приходили сюда есть сандвичи? – резко закричал он. – Можете идти и посмотреть, как они валяются там. И не трудитесь возвращаться, негодный лентяй! Вон! Немедленно!

Несчастный ушел. Мизон оглядел других клерков и, предупредив их, чтобы они были осторожнее и усерднее, иначе последуют за выгнанным клерком, пошел дальше своим разрушительным путем.

Встретив редактора Номер семь, который нес ему какой-то контракт для подписи, мистер Мизон остановился и взглянул в бумагу.

– Зачем вы несете мне это? – спросил он. – Это никуда не годится!

– Я написал точно так, как вы мне диктовали вчера, сэр! – возразил редактор.

– Как вы смеете противоречить мне? – заревел Мизон. – Смотрите сюда, Номер седьмой. Ни слова! Вам уплатят до конца месяца, и если вам угодно будет оставить должность, я согласен на это! Доброго утра, Номер седьмой, доброго утра!

Он пересек дворик, в углу которого наткнулся на малень-

кого мальчика-бродягу, который сладко спал в своем уединении. Хозяин ткнул его своей тростью и затем выгнал вон.

Эта дикая охота за жертвами продолжалась еще полчаса, пока мистер Мизон не изнемог.

На следующее утро поразительная новость произвела настоящую сенсацию среди служащих: одиннадцать вакансий освободилось в фирме «Мизон».

Пара стаканов доброго хереса и несколько сандвичей, которые мистер Мизон проглотил в соседнем ресторане, несколько успокоили его. Затем он уселся в кеб и приказал везти себя к мистеру Тодди.

– Дома мистер Тодди? – спросил он клерка, который вышел, низко кланяясь богатейшему из обитателей Бирмингема.

– Мистер Тодди освободится через несколько минут! – ответил он. – Не угодно ли газету?

– К черту газету! – последовал вежливый ответ. – Я пришел сюда не газеты читать. Скажите мистеру Тодди, что мне нужно видеть его немедленно, или я уйду!

– Мне очень жаль, сэр!.. – начал клерк. Мистер Мизон подскочил и схватил шляпу.

– Ну-с, – произнес он, – что же дальше?

– О, сэр, прошу вас присесть! – отвечал встревоженный управляющий: тяжело было бы упустить из рук дела с фирмой «Мизон». – Я сейчас скажу мистеру Тодди!

Он исчез.

Сейчас же после его ухода какая-то старая леди выползла из внутренних комнат, держа в руке ридикюль, наполненный бумагами, и громко заявляя, что у нее голова идет кругом.

Бедная душа восемнадцать раз меняла свое завещание и чрезмерно утомилась, созерцая почтенного юриста в его конторе.

Через минуту мистер Тодди тепло и восторженно приветствовал мистера Мизона. Адвокат был маленьким человечком с нервным лицом, который весь трясся при разговоре и брызгал слюной.

– Как поживаете, дорогой сэр? Восхищен, что вижу вас… – начал он с ужимками и внезапно умолк, заметив зловещее выражение лица великого человека. – Уверяю вас, мне очень жаль, что заставил вас ждать, дорогой сэр. Я был занят с превосходным завещателем!

Тут он подпрыгнул и попятился, потому что мистер Мизон вдруг закричал свирепым голосом:

– К черту ваших завещателей! Я тоже завещатель и не привык ждать в передней, как какой-нибудь клерк или автор! Берегитесь же, Тодди! Смотрите, чтобы впредь этого не было!

– Уверяю вас, мне очень досадно… Обстоятельства…

– Ну, теперь мне нужно от вас мое завещание!

– Ах, завещание! Простите меня… Я несколько смущен всем происшедшим! Вы действуете так… э-э… решительно!

Он опять умолк, потому что мистер Мизон устремил на

него свой свирепый взгляд и прошел в соседнюю комнату.

– Идиот! – бормотал Мизон. – Я его проучу, если он не будет почтительнее! Клянусь Иовом! Я сам не знаю, отчего не заведу себе собственного, постоянного юриста! Я мог бы платить ему триста фунтов в год, между тем как старому Тодди я плачу почти две тысячи фунтов!.. Пусть меня повесят, если я не сделаю этого. Эта маленькая стрекоза подпрыгнет при одном моем заявлении! – Он захохотал при этой мысли.

Мистер Тодди вернулся с завещанием, и, прежде чем успел раскрыть рот, Мизон коротко приказал ему прочесть завещание. Адвокат повиновался.

Оно было коротким. За исключением нескольких имений, на сумму около двадцати тысяч фунтов, весь капитал и все остальное имущество, включая свой процент в фирме и замок Помпадур, завещатель оставлял своему племяннику Юстасу Мизону.

– Хорошо! – сказал великий человек, когда документ был прочитан. – Дайте мне его!

Мистер Тодди повиновался и передал документ патрону, который тотчас же разорвал его в клочки своими сильными пальцами и довершил его уничтожение острыми белыми зубами.

Сделав это, мистер Мизон скомкал клочки, бросил их на пол и затоптал ногами с такой злобой, что маленький мистер Тодди ужаснулся.

– Конец старой привязанности! – мрачно произнес дирек-

тор фирмы. – Надо составить новое завещание. Берите перо и слушайте!

Мистер Тодди послушно взял перо и приготовился писать.

Я завещаю все свое состояние, равное двум миллионам, своим компаньонам Альфреду Тому Аддисону и Сесимо Спенсеру Роскью, которые должны разделить его пополам.

– Великий Боже! – вскричал мистер Тодди. – Зачем же вы хотите обидеть вашего племянника… и других наследников?; – добавил он, подумав.

– Я так хочу! Это касается только моего племянника. Остальные наследники получат свое!

– Знаете, – продолжал до крайности изумленный маленький человечек, – это такая постыдная вещь, какой я еще никогда не слыхал!

– В самом деле? Позвольте мне спросить вас, мистер Тодди, кому принадлежит мое состояние, вам или мне? Не трудитесь отвечать, подождите! Или вы сейчас же напишите это завещание, или проститесь с двумя тысячами фунтов в год. Выбирайте!

Мистер Тодди выбирал недолго. Через час завещание было написано и подписано.

– Теперь, – сказал мистер Мизон, обращаясь к мистеру Тодди и главному клерку и взяв перо, чтобы поставить свою подпись, – помните, вы оба, что, составляя завещание, я находился в здравом уме и твердой памяти! Будьте свидетеля-

ми!

Наступил вечер. Денежный царек Мизон сидел за своим одиноким обедом в столовой замка Помпадур. Обед был подан. Напудренный лакей вышел своей величественной походкой, и главный дворецкий поставил несколько графинов дорогого вина перед своим одиноко сидевшим господином.

Обед носил отпечаток меланхолии. Дорогие блюда, стоимость которых могла бы позволить не один месяц кормиться бедной семье, приносились и ставились перед мистером Мизоном, который находил невкусным одно, ковырял вилкой другое и отсылал прочь. В этот вечер у богача не было аппетита.

– Джонстон! – подозвал он дворецкого, когда лакей ушел. – Мистер Юстас был здесь?

– Да, сэр!

– И ушел?

– Да, сэр. Он собрал свои вещи, взял кеб и уехал!

– Куда?

– Я не знаю, сэр. Он велел кучеру ехать в город!

– Оставил он записку?

– Нет, сэр, но он просил меня передать вам, что не будет беспокоить вас и что очень сожалеет, что расстался с вами в ссоре!

– Почему вы не сказали мне этого раньше?

– Потому что мистер Юстас приказал мне сказать вам это только в том случае, если вы спросите о нем!

– Хорошо… Джонстон!

– Что угодно, сэр?

– Отдайте приказание, чтобы имя мистера Юстаса никогда не произносилось в моем доме! Тот, кто произнесет его имя, будет немедленно уволен!

– Слушаю, сэр! Джонстон ушел.

Мистер Мизон посмотрел вокруг себя. Хрусталь, серебро, белоснежная скатерть, дорогие цветы. Он взглянул на стены, увешанные дорогими произведениями искусства, на зеркала, на мраморные камины, в которых горел яркий огонь (шел ноябрь), на нежные, пушистые ковры и задумался. Все это принадлежит ему. Он тяжело вздохнул, и его грубое лицо омрачилось. Зачем нужно ему все это? У него нет семьи, и эта роскошь не доставляет ему удовольствия. Его наслаждение – наживать деньги, но не тратить их. Он чувствовал себя счастливым, когда сидел у себя в конторе, заправляя делами собственной фирмы и прибавляя соверен за совереном к своему богатству. Все сорок лет это была его единственная радость… Его мысли перешли на племянника, единственного сына его родного брата, которого он когда-то любил… Мизон снова вздохнул. Да, он по-своему привязался к мальчику, и ему было тяжело терять его. Но Юстас предал его и, что хуже всего, высказал ему правду, которой он не терпел. Он сам знал, что поступает нечестно, но не мог выносить, чтобы кто-то говорил ему об этом! Мистер Мизон сам по себе вовсе не был дурным человеком. Да и нет людей абсолют-

но дурных! Он был грубый, вульгарный коммерсант, ожесточившийся в долгой погоне за наживой, в своем поклонении деньгам. В груди его жили человеческие чувства, как у всех людей, но он не мог выносить возражений и всегда старался отомстить за обиду. Сидя теперь в одиночестве за столом, среди окружающей роскоши, он понял, что месть не приносит счастья, но все-таки не хотел переменить своего намерения. Мистер Мизон никогда не менял раз принятого решения. Он был верен самому себе.

III. Августа Смиссерс и ее сестренка

Покинув дом Мизона, Августа печально направилась домой. Отец Августы был священник, каких много на свете, не особенно избалованный жизнью. Когда мистер Смиссерс, или, вернее, преподобный Джеймс Смиссерс, умер, после него остались вдова и двое детей, – Августа, четырнадцати лет, и Дженни, четырех лет. Кроме них, было еще два мальчика, но они ушли в страну теней еще раньше отца. К счастью, миссис Смиссерс обладала суммой в семь тысяч фунтов, которая была помещена под хорошие проценты и приносила ей триста пятьдесят фунтов в год. Чтобы как можно лучше поместить свой доход и дать дочерям образование, которое позволяли обстоятельства, миссис Смиссерс после смерти мужа переселилась из деревни, где он в продолжение нескольких лет был викарием, в Бирмингем. Здесь она прожила целых пять лет в полнейшем одиночестве и внезапно умерла, оставив беспомощными сиротами двух дочерей, девятнадцати и девяти лет. Миссис Смиссерс была бережливой женщиной. После ее смерти, по уплате всех долгов, дочерям осталось около шестисот фунтов на прожитие, и больше ничего. Августа, с юных лет обнаружившая большую наклонность к литературе, вскоре после смерти матери напечатала

на собственные средства свою первую книгу. Предприятие оказалось неудачным и обошлось ей в пятьдесят два фунта. Спустя некоторое время, оправившись от неудачи, Августа написала книгу «Обет Джемимы», изданную фирмой «Мизон».

Книга имела большой успех, но Августа ровно Ничего не выиграла. Три года прошло со дня смерти миссис Смиссерс, и от шестисот фунтов осталось немного, хотя сестры жили очень экономно, в двух маленьких комнатках. Издержки их были огромны из-за серьезной легочной болезни маленькой Дженни.

В то самое утро, когда Августа была у мистера Мизона, она видела доктора, лечившего Дженни, который сказал ей, что ребенка надо увезти куда-нибудь в теплый климат, потому что иначе она не переживет зиму…

Везти Дженни в теплый климат! С таким же успехом доктор мог ей посоветовать отвезти ее на Луну! У нее нет денег, она не знает, как ей обернуться! Дай Бог никому не видеть любимое существо умирающим, не имея при этом денег, чтобы спасти его!

В таких тяжелых обстоятельствах Августа решилась обратиться к Мизону, который нажил сотни на ее книге и заплатил ей всего пятьдесят фунтов. Выйдя из конторы Мизона, Августа вспомнила о своем банкире.

Быть может, он выдаст ей вперед какую-нибудь сумму? Это была тяжелая задача, но Августа решила попробовать,

отправилась в банк и спросила управляющего. Его не было на месте, он должен было вернуться к трем часам. Августа зашла в ближайший магазин, съела пирожное, выпила стакан молока, подождала некоторое время, потом прогуливалась по улицам до трех часов.

В назначенный час она была в банке, в отдельной приемной управляющего. Сухой, неприятного вида человек сидел перед столом. Это был не тот господин, которого Августа видела раньше. Сердце ее сжалось. Она изложила ему свою просьбу. Управляющий вежливо, с выражением сочувствия на лице выслушал ее, после чего заявил, что выдавать отдельные ссуды – не в обычае их банка, и снова учтиво поклонился ей.

Было около четырех часов пополудни. Сырой туман повис над улицами Бирмингема. Подобная погода была способна привести в уныние даже счастливейшего из смертных. Августа, мокрая, усталая, чуть не плача добралась до своей квартиры. Она вошла в комнату очень тихо, потому что единственная служанка встретила ее у дверей и сказала, что мисс Дженни после обеда сильно кашляла, а потом заснула.

В камине горел небольшой огонек, так как уголь экономили, заменяя его двумя – тремя поленьями, а на письменном столе Августы в отдаленном углу комнаты горела парафиновая лампа. Недалеко от камина, на софе, крытой красным репсом, лежала маленькая девочка; ее тоненькая и воздушная фигурка скорее походила на призрак.

Это была спящая Дженни, сестра Августы.

Августа украдкой нежно взглянула на нее. Маленькое нежное личико девочки, оттененное длинными ресницами, с красивым носиком и кротко очерченным маленьким ртом, поражало бледностью и худобой. Сон смягчил выражение страдания, и легкая улыбка покоилась на ее лице.

Августа посмотрела на сестру и в отчаянии сжала руки, спазм сдавил ей горло, и глубокие серые глаза наполнились слезами. Где достать денег, чтобы спасти сестру? Год тому назад один богатый человек, который был противен ей, предлагал Августе стать его женой. Она ничего не ответила ему. Он уехал, но если бы он был здесь, в Бирмингеме, она непременно вышла бы за него замуж! Да, она сделалась бы женой богатого человека ради его денег, чтобы спасти сестренку! Она не хочет и думать о себе, когда ее дорогая девочка умирает – умирает, потому что у нее нет двухсот фунтов.

Дженни проснулась и протянула к сестре свои ручки.

– Наконец-то ты вернулась, дорогая! – произнесла она нежным детским голосом. – Мне было скучно без тебя! Какая ты мокрая! Сними скорее свой жакет, Густи, иначе ты заболеешь, как я… – Тяжелейший приступ кашля прервал ее слова. Она кашляла так сильно, что все ее тело содрогалось и трепетало.

Августа отвернулась, сняла жакет, села на софу около сестры и взяла ее тоненькую ручку.

– Ну, Густи, как ты договорилась с печатным дьяволом? –

(так невежливо Дженни прозвала мистера Мизона). – Даст он тебе денег?

– Нет, дорогая моя, мы поссорились, и я ушла!

– Значит, мы не можем уехать отсюда?

Августа была не в силах ответить и только кивнула головой. Дженни уткнула лицо в подушку и зарыдала.

– Густи, дорогая моя! – подняла она голову. – Не сердись, мне надо поговорить с тобой! Выслушай меня, Густи, милая, ангел мой! О, Густи, ты не знаешь, как горячо я тебя люблю! Бесполезно бороться с моей болезнью, я должна умереть. Хотя мне только двенадцать лет и ты считаешь меня ребенком, но я все понимаю! Болезнь сделала меня старой! – добавила Дженни после приступа кашля. – Я чувствую себя так, словно мне пятьдесят лет. Я теперь лишнее бремя, лишняя забота для тебя, дорогая моя!

– Не говори этого, Дженни, не говори! – вскричала Августа. – Ты убиваешь меня!

Дженни положила свою горячую руку на плечо сестры.

– Слушай, дорогая Густи! Я знаю, что умру. Отчего ты так боишься этого? Разве мне будет там хуже, чем здесь? Разве я буду так страдать, как страдаю сейчас, когда вижу твое горе, твои слезы? Как нехорошо больным здесь, на земле! Самое лучшее, что было в нашей жизни за все эти годы, – это твоя книга, Густи. Когда я чувствую себя плохо, когда у меня болит грудь, я начинаю думать о твоих сочинениях… У тебя большой талант, Густи, – истинный талант, и когда-нибудь

ты станешь знаменитостью. У тебя могут отнять деньги, но никто не отнимет твоего таланта! Да, дорогая моя сестра, я знаю, что ты будешь великой писательницей вопреки всем Мизонам и К°. И когда у тебя будут и слава, и богатство и ты станешь еще красивее, чем теперь, когда все будут преклоняться перед тобой, я знаю, что ты вспомнишь обо мне, потому что твое сердце не может забыть меня, и о том, что я – за много лет вперед – говорила тебе перед своей смертью!

Девочка, говорившая все это с удивительной уверенностью и серьезностью для своих лет, снова закашлялась. Августа опустилась на колени перед ней, сжала ее в объятиях и умоляла ее не говорить о смерти. Дженни прижала к своей груди золотоволосую голову сестры.

– Хорошо, Густи, я не буду говорить об этом! – сказала она. – Но зачем скрывать правду? Я устала, измучилась здесь… Но мы горячо любили друг друга, и, может быть, мы могли бы… – Доброе маленькое сердечко девочки сжалось от боли.

Подавленные предчувствием близкой разлуки, сестры обнялись и горько зарыдали.

В дверь постучали. Августа отвернулась, чтобы скрыть свои слезы. Это была служанка, которая принесла чай. Августа выпила немного чаю и съела маленький кусочек хлеба с маслом. События дня лишили ее всякого аппетита. Дженни выпила чашку молока, но есть не стала. Когда служанка убрала чай и ушла, Дженни заговорила снова.

– Густи, – попросила она, – мне хочется, чтобы ты уложила меня в постель и прочла мне кусочек из «Обета Джемимы», знаешь, когда бедная Джемима умирает! Это прелесть как хорошо, мне хотелось бы еще послушать!

Августа исполнила ее желание, взяла рукопись и начала читать. В самом деле, это была самая сильная и патетическая сцена в книге, способная глубоко растрогать читателя. Августа дочитала последнюю фразу: «И Джемима протянула ему руку и сказала: прощай! Она сдержала свое обещание и, счастливая этим, пошла спать!»

– А! – прошептала голубоглазая Дженни, внимательно слушавшая чтение. – Я хочу сделать так же, как Джемима. Хотя я не давала обета, но могу тоже сказать: «Прощай!» – и идти спать!

Дженни задремала… Августа с глубокой нежностью смотрела на больную сестру.

– Она умрет!.. – прошептала бедная девушка. – Она умрет, потому что я не могу увезти ее отсюда. Как мне достать денег? Как достать?

Она закрыла лицо руками и погрузилась в тяжелые думы.

Вдруг ей пришла в голову новая мысль.

Она может опять пойти к Мизону и продать ему за сто фунтов рукопись новой книги. Конечно, этого мало, путешествие с больной сестрой потребует больших расходов. Она заключит контракт и станет работать, как другие авторы. Мизон, наверное, будет доволен возможностью закабалить

ее. Да, конечно, это тяжелое, позорное рабство!

Августа вздрогнула при мысли о том, что ее талант погибнет при такой работе, – работе, которая налагает тяжкое клеймо и уничтожает всякую искру оригинальности, которая превращает человека в машину. Да, это ужасно, это разобьет ее сердце, но девушка была готова на все, лишь бы достать двести фунтов и спасти сестру. Мистер Мизон станет торговаться, но, если он согласится заключить с ней контракт на несколько лет, то, вероятно, выдаст ей вперед еще сто фунтов. Таким образом, продав рукопись, она будет иметь в руках желанные две сотни.

Решившись принести эту жертву, Августа тяжело вздохнула и легла спать, усталая, с тяжестью на сердце.

Она заснула. Когда она спала, какой-то призрак, которого она не могла видеть, стоял у кровати Дженни, и сильный голос призывал к себе из тьмы.

Смерть вошла в эту скромную комнату.

Еще одна человеческая душа покончила счеты с жизнью и навсегда покинула землю!

На рассвете Августа проснулась. Ей показалось, что какое-то холодное дыхание повеяло ей в лицо. Она прислушалась. Кровать Дженни стояла у противоположной стены узкой комнаты, и она могла слышать ясно все ее движения, так как больная девочка спала беспокойно. Теперь она не слышала даже дыхания сестры. Тишина стояла мертвая, подавляющая. Августа соскользнула с постели и зажгла свечу. Она

подошла со свечой к белой кроватке сестры.

Дженни лежала на боку, бледное лицо ее покоилось на бледной руке. Глаза были широко раскрыты. Когда Августа поднесла свечу к ее лицу, Дженни не шевельнулась, не закрыла глаз. Ее рука, о Боже, ее пальцы были холодны как лед!

Августа поняла все. В отчаянии подняв руки, полная ужаса, она громко закричала…

IV. Решение Августы

На следующий день после смерти маленькой Дженни Смиссерс мистер Юстас Мизон прогуливался по Бирмингему, засунув руки в карманы, с видом нерешительности на приятном, благородном лице. Юстас Мизон был не особенно убит переменой своих жизненных обстоятельств. Это был молодой и довольно беззаботный джентльмен с веселым характером. У него не было ни жены, ни детей, и он хорошо знал, что сумеет как-нибудь прожить со своей сотней фунтов и полученным образованием. Его нимало не смущали разрыв с почтенным дядюшкой и потеря огромного наследства.

Забрав свое имущество в замке Помпадур и поселившись в отеле, Юстас больше не хотел и вспоминать о дяде. Зато он много думал о красивых серых глазах Августы Смиссерс, о ее характере, о книге «Обет Джемимы». Эта книга была теперь одним из лучших популярных произведений и пользовалась заслуженным успехом, а Юстас резко отличался от других молодых людей своей начитанностью. В конце концов, постоянно вспоминая о глазах Августы, о ее книге, о слезах, Юстас Мизон начал ощущать что-то вроде любви к ней.

Прогуливаясь по улицам Бирмингема, он встретил клерка, которого видел в фирме Мизона и который был уволен в один день с ним, и узнал от него адрес мисс Смиссерс. Юстас

продолжал свой путь и добрался до тихой улицы, где жила Августа. Увидев дом, указанный клерком, Юстас позвонил.

Служанка отворила дверь и с любопытством посмотрела на него. Мисс Смиссерс была дома, да!

Служанка проводила молодого человека до полуоткрытой двери и внезапно исчезла. Юстас заглянул в дверь и заметил Августу, одетую в черное платье, сидевшую на стуле со сложенными руками. Бледное лицо ее казалось каменным, глаза блуждали.

Юстас в нерешительности стоял у двери, как вдруг зонтик выскользнул у него из руки и с шумом упал на пол.

Августа встала и, увидев молодого человека, сделала несколько шагов ему навстречу, изумленно вглядываясь в его лицо.

– Прошу извинения! – пробормотал Юстас. – Я вошел сюда без предупреждения, потому что ваша служанка убежала… Я – Юстас Мизон!

Лицо Августы омрачилось.

– Если вы пришли ко мне от издательской фирмы «Мизон и К°»… – произнесла она и вдруг умолкла, как будто пораженная новой мыслью.

– О нет! – возразил Юстас. – Я не имею ничего общего с «Мизон и К°», кроме имени. Я пришел к вам, чтобы выразить свое сожаление о том, что дядя так дурно поступил с вами. Вспомните, я был тогда в конторе!

– Да, да, – ответила Августа, краснея, – вы были так добры

ко мне!

– Видите ли, – продолжал Юстас, – я поссорился со своим дядюшкой, лишился места и его наследства, так как он обещал не оставить мне ни шиллинга! Вероятно, теперь, – добавил молодой человек задумчиво, – он уже уничтожил свое завещание.

– Вы хотите сказать, мистер Мизон, что вы поссорились с дядей из-за меня, из-за моей книги?

– Вот именно. Ну, так что же из этого? – пожал плечами Юстас.

– Это рыцарский поступок с вашей стороны! – ответила молодая девушка, смотря на него с любопытством. Она была удивлена, встретив рыцаря, способного ломать копья из-за нее. – Мне совестно вспомнить, что я устроила такую сцену в конторе, – произнесла она после минутного молчания, – но мне страшно нужны были деньги… Теперь уже не то, теперь – все кончено!

В ее голосе звучали ноты такого безысходного горя! Это еще больше возбудило интерес молодого человека. Зачем ей так нужны были деньги и почему теперь нужда в них отпала?

– Мне очень жаль, – сказал он, – но скажите мне, зачем вам нужно было столько денег?

Августа взглянула на него.

– Если вам угодно, я покажу вам… – тихо произнесла она. Юстас поклонился, ожидая, что будет дальше. Августа подошла к боковой двери, повернула ручку и вошла в маленькую

комнату. Молодой человек последовал за ней.

Это была спальня сестер. Солнечные лучи озаряли чистенькую бедную комнатку, скромную меблировку, железную кровать и что-то лежащее на ней, покрытое простыней. Августа подошла к кровати, тихо отвернула простыню и открыла окаймленное золотистыми волосами, прелестное личико маленькой Дженни, загадочно улыбавшейся на смертном одре.

Юстас отступил назад с громким восклицанием. Он не был подготовлен к такому зрелищу, и видение смерти глубоко поразило его. Августа, уже свыкшаяся с мыслью о смерти Дженни, не подумала, что внезапно подвести живого человека к телу умершего, не предупредив его, – не особенно любезный и тактичный поступок. Вид смерти приводит в ужас каждого живого человека, особенно молодого! Юность и сила – жизнерадостны, но смерть сгоняет улыбку веселья и молодости и напоминает, что все люди смертны!

– Прошу извинить меня, – прошептала Августа, поняв свою бестактность, – я забыла… вы ничего не знаете… вас поразило… Простите меня!

– Кто эта девочка? – спросил Юстас, с трудом переводя дыхание.

– Моя сестра! – отвечала Августа. – Мне нужны были деньги, чтобы спасти ее от смерти! Когда я сказала ей, что не смогла достать денег, она огорчилась и умерла. Ваш дядя убил мою сестренку! Пойдемте!

Пораженный до глубины души, Юстас последовал за хозяйкой в гостиную. Несколько опомнившись, он принялся извиняться, что побеспокоил ее в такую тяжелую минуту.

– Я рада видеть вас! – проговорила Августа искренне. – Я не видела за эти дни никого, кроме доктора и гробовщика. Ужасно тяжело сидеть постоянно в одиночестве, лицом к лицу со своей тоской и скорбью! Если бы я не была так глупа и не подписала бы контракт с мистером Мизоном, я могла бы продать свою новую книгу и увезти отсюда Дженни. Тогда она, быть может, и поправилась бы. Теперь со всем этим покончено и помочь ничему нельзя!

– Если бы я знал! – воскликнул Юстас. – Я одолжил бы вам денег! У меня есть сто пятьдесят фунтов!

– Вы очень добры! – тихо отозвалась Августа. – Об этом не стоит и говорить, поздно! Поздно!

Юстас встал, раскланялся и ушел. Только на улице он вспомнил, что не спросил Августу, что она намерена предпринять. Вид умершей Дженни так поразил его, что все вылетело у него из головы. Он утешал себя мыслью, что может через неделю, уже после похорон, зайти к ней.

Через два дня Августа проводила останки своей любимой сестры к месту вечного успокоения, вернулась домой пешком, села перед камином и задумалась. Что делать ей теперь? Оставаться здесь невозможно! Ей будет невыносимо тяжело смотреть на пустую софу, где постоянно лежала бедная Дженни. Куда ей деться и что предпринять? Она могла бы

писать, но контракт с Мизоном – серьезное препятствие, так как обязывает ее отдавать ему всякую литературную работу. Написать об этом в газетах – значило бы еще более раздражить злобную натуру Мизона. Конечно, она может прожить, получая семь процентов с книги, но согласится скорее умереть с голоду, чем дать возможность Мизону эксплуатировать свой труд. Раз и навсегда решив, что не пойдет к Мизону, Августа начала думать, как бы ей устроиться иначе. Перспектива была невеселая!

Литературный успех не принес Августе практической выгоды, потому что в Англии на него смотрят иначе, чем в других странах. Британец питает в душе некоторое презрение – если не к литературе, то к авторам. В его понятии литература нераздельна с бедностью и чердаком. Поклоняясь деньгам, англичане презирают литературу. Дерево узнается по плодам! – говорят они. Нельзя сказать, чтобы Англия не ценила таланта. Все человечество преклоняется перед талантом, хотя боится его и завидует ему, и больше думает о мертвом гении, чем о живом. Оно оплакивает мертвеца так, что камни могут растрогаться. Несмотря на огромный успех своей книги, Августе некуда было обратиться за помощью. У нее не было литературных знакомств. Двое писателей из Лондона да несколько незнакомых людей прислали ей благоприятные отзывы на ее книгу. Этим все и ограничилось. Если бы она жила в Лондоне, тогда все было бы иначе, но, к несчастью, она не могла жить там.

Чем больше Августа думала, тем мрачнее казалось ей будущее. Но вдруг ее осенило: отчего бы ей совсем не уехать из Англии? Здесь ей нечего делать. В Новой Зеландии у нее есть двоюродный брат-священник, которого она никогда не видела. Он читал ее книгу и по этому поводу прислал ей очень милое письмо. Одну выгоду принесла ей ее книга – она приобрела ей друзей. Этот кузен, наверное, примет ее к себе, хотя бы на короткое время, и она найдет возможность писать и зарабатывать себе кусок хлеба в другой стране, где мистер Мизон не будет властен над ней! Почему бы ей не поехать туда? У нее осталось еще двадцать фунтов, а когда она продаст скудную меблировку и книги, денег вполне хватит для того, чтобы купить билет второго класса и еще оставить себе немного на дорогу. В крайнем случае, если даже все задуманное не осуществится, ей не будет хуже, чем здесь!

В этот же вечер она села писать письмо своему двоюродному брату-священнику.

V. На корабле «Канчаро»

Во вторник вечером огромный пароход стоял в гавани Темзы, готовый к отплытию. Это был описанный во всех газетах «Канчаро», который поражал силой своих машин, красотой конструкции и чрезвычайной быстротой хода – восемнадцать узлов. «Малыш Канчаро», как насмешливо называли его моряки, представлял собой последнее слово техники и искусства. Все в нем – от электрического освещения до паровых труб – было сделано по новой системе. Этот пароход по роскоши убранства походил на великолепный дворец, а по удобству – на лучший американский отель. Удивительно красивый с виду, он, казалось, собирал теперь всю свою силу и энергию для предстоящего пути. Тысячи и тысячи миль отделяли его от той гавани, где его могучее сердце на время перестанет биться и будет отдыхать! Наконец он двинулся, все скорее и скорее. Винты заработали… Вода забурлила у бортов… Вперед! Выпустив огромный столб дыма, «Канчаро» быстро побежал вперед… Береговая линия Англии слабо виднелась вдали, пока окончательно не исчезла…

Высокая, стройная девушка, стоявшая на носу корабля, задумчиво смотрела на воду. Когда берег Англии исчез из виду, Августа повернулась и пошла в каюту. Она была очень печальна. Разумеется, ей нечего было особенно жалеть в Англии. Маленькая могила с белым крестом – это все, что

осталось там. Друзей у ней не было, плакать было некому. Невольно вспоминалось ей милое, красивое лицо Юстаса Мизона, его доброта. С тоской Августа думала, что никогда не увидит этого приятного, симпатичного человека. Почему он не пришел еще повидаться с ней? Она хотела бы проститься с ним и сказать ему о своем отъезде. Написать ему? Августа не знала его адреса. И зачем писать? Всему конец. Англия осталась позади.

В то время, когда «Канчаро» мчался уже на всех парах, Юстас Мизон стоял у двери дома, в котором до отъезда жила Августа.

– Уехала! – повторил он ответ отворившей ему служанки. – Мисс Смиссерс уехала в Новую Зеландию? Ее адрес?

– Она не оставила адреса, сэр, – мрачно проговорила служанка, – и уехала два дня тому назад на первом пароходе из Лондона!

– Как называется этот пароход? – спросил Юстас в отчаянии.

– Кан… Кон… Кончер!.. – ответила служанка и захлопнула дверь перед его носом.

Бедный Юстас! Он поехал в Лондон, пытаясь поступить куда-нибудь на службу, и после многих затруднений ему удалось получить место лектора по латинскому, французскому и староанглийскому языкам в одном общественном учреждении с окладом в сто восемьдесят фунтов в год. Затем он помчался обратно в Бирмингем, чтобы повидать мисс Смис-

серс, которую глубоко и страстно полюбил. Юстас решил употребить все усилия, чтобы почаще видеть Августу, и, если будет возможно, открыть ей свою любовь. Бедный юноша! Приехать из Лондона в Бирмингем ради красивых серых глаз и узнать, что обладательница этих глаз уехала в Новую Зеландию, не оставив ему ни словечка, ни адреса! Это было очень тяжело! Но что оставалось делать… Юстас снова отправился на вокзал, и всю дорогу до Лондона ворчал и сокрушался.

Августа, удаляющаяся на пароходе «Канчаро», совершенно не подозревала о любви Юстаса. Подчиняясь какому-то болезненному ощущению, она спустилась вниз, в каюту. В эту минуту какой-то человек грубоватого вида обратился к ней и сказал, что, если она желает в последний раз увидеть родной Альбион, ей надо выйти на палубу и смотреть в сторону гавани – тогда она увидит береговые огни!

Желая побороть приступы морской болезни, Августа послушалась и, выйдя на палубу, долго смотрела на мелькавшие вдали огоньки, посылая им «прости» через громадное водное пространство. Августа стояла, слегка придерживаясь, потому что пароход начало качать. Вдруг она увидела толстого человека, который бежал, шатаясь и держась за перила, очевидно, совершенно больной. Испуганная, она следила за ним глазами. Вдруг человек упал и со слабым стоном покатился в сторону борта. Повинуясь чувству сострадания, молодая девушка бросилась к нему и протянула ему руку. С

ее помощью больной поднялся на ноги. В слабом сумеречном свете Августа ясно различила толстое, грубое лицо мистера Мизона. Да, несомненно, это был ее враг, человек, являвшийся причиной смерти ее любимой сестры. С восклицанием ужаса и отвращения Августа отдернула руку.

– О-о! Мисс Джемима Смиссерс! – сказал мистер Мизон, пытаясь придать былую важность голосу и манерам. – Что вы тут делаете?

– Я еду в Новую Зеландию, мистер Мизон, – отвечала она, – и не ожидала, что буду иметь удовольствие ехать в вашем обществе!

– Вы едете в Новую Зеландию? Я тоже еду туда, потом в Австралию! Что ж, вы вздумали бежать от нашего контракта? Это нехорошо, мисс, нехорошо! У нас есть агенты в Новой Зеландии и отделение в Австралии… Если вы хотели поискать что-нибудь лучше фирмы «Мизон»… Пожалуйста!.. О Небо! Я чувствую страшную боль во всех членах!

– Не беспокойтесь, мистер Мизон! – продолжала она. – Я не буду теперь печатать книг!

– Очень жаль, – возразил он, – потому что на вашу работу есть спрос! Издатель может нажить деньги на ней! Надеюсь, что вы путешествуете во втором классе, мисс Смиссерс, так что мы едва ли еще увидимся! Для человека в моем положении неудобно знакомство с пассажирами второго класса, особенно с молодой дамой-писательницей!

– Не бойтесь, мистер Мизон! – заметила Августа. – Я не

имею ни малейшего желания рекламировать наше знакомство!

И она ушла, не желая видеть своего врага, который начал стонать и охать. Раздумывая об этой странной, неожиданной встрече, она ушла в каюту, где и оставалась, больная и беспомощная, целых три дня.

На четвертое утро Августа появилась на палубе, совершенно оправившись и с превосходным аппетитом. Позавтракав, она уселась на первое свободное место. Ей не хотелось встречаться с мистером Мизоном и в то же время хотелось избежать рассказов своей компаньонки по каюте. Эта особа смертельно надоела ей, рассказывая разные скандальные истории о мужчинах и женщинах, которых она знала. Эти рассказы, может быть, и были интересны, но всегда однообразны и злоязычны.

Августа сидела и смотрела на белые гребни волн, как вдруг на палубе появился человек в блестящей форме, с книгой в руке. Сначала, по этой блестящей форме, Августа приняла его за капитана, потом разглядела, что это был только его помощник.

– Будьте добры, мисс, – произнес он, подходя к девушке и сняв шляпу, – капитан просил меня засвидетельствовать вам свое почтение и узнать, вы ли та молодая дама, которая написала эту книгу?

Августа взглянула на книгу. Это был «Обет Джемимы». Она ответила утвердительно, и помощник капитана исчез.

В это утро ее ожидал еще один сюрприз.

Снова появился помощник капитана, дотронулся до шляпы и сказал, что имеет приказание капитана перенести ее вещи и поселить ее в другой каюте. Сначала Августа отказалась, обладая чисто британским упрямством; она не выносила чужих приказаний и чужого вмешательства.

– Приказано капитаном, мисс! – возразил помощник. Молодая девушка согласилась и не пожалела об этом.

Она очутилась в прелестной каюте в передней части парохода, недалеко от машин. Вероятно, это была офицерская каюта, потому что над кроватью висело изображение молодой дамы, несколько полок с книгами, было несколько телескопов и других инструментов.

– Разве это моя каюта? – спросила Августа.

– Да, мисс! Так приказал капитан. Это каюта мистера Джонса, второго офицера. Он поместился с мистером Томасом и уступил каюту вам!

– Это очень любезно со стороны мистера Джонса! – пробормотала Августа, недоумевая о причине такой перемены. Но ей суждено было еще удивляться в этот день.

Через несколько минут, когда она собиралась уходить из каюты, вошел джентльмен в капитанской форме.

За ним следовала красивая, хорошо одетая дама.

– Прошу извинения, – произнес он с поклоном, – мисс Смиссерс, не так ли?

– Да!

– Я – капитан Элтон. Надеюсь, вам понравилась ваша новая каюта? Позвольте мне представить вам леди Холмерст, супругу новозеландского губернатора. Леди Холмерст, вот мисс Смиссерс, сочинение которой вас так заинтересовало!

– О, я очень счастлива познакомиться с мисс Смиссерс! – сказала леди. – Капитан Элтон обещал мне, что мы будем сидеть рядом за обедом, и у нас будет время поговорить. Я была очарована вашей книгой! Прочла ее три раза. А ведь это много для светской женщины!

– Я думаю, что тут вышло недоразумение, – произнесла Августа робко, с краской на лице. – Я – пассажирка второго класса на пароходе и не могу обедать вместе с вами, леди Холмерст!

– Никакого недоразумения, – отвечал капитан, весело смеясь.

– Вы – моя гостья, мисс Смиссерс, и, пожалуйста, без возражений!

– Когда мы имеем счастье встретиться в жизни с истинным талантом, мы не должны упускать случая выказать ему наше почтение!

– добавила леди Холмерст, грациозно наклонив голову.

Августа чувствовала искренность комплимента, хотя находила, что он преувеличен.

Она покраснела и поклонилась, не зная, что сказать.

Вдруг она услышала резкий голос Мизона, смягченный некоторым оттенком почтения. Мистер Мизон разговаривал

с лордом Холмерстом, маленьким, коротеньким человечком, у которого были величественные манеры и добродушное лицо.

Губернатор английских колоний, лорд Холмерст очень гордился своим саном. Обычно губернаторы колоний не имеют большого значения в глазах англичан. Но здесь, на пароходе, который нес лорда Холмерста к берегам его епархии, он был великой и важной персоной, и он отлично понимал это. Забавно было видеть важную осанку и величественные манеры маленького человечка, который становился все внушительнее по мере того, как пароход уходил от берегов Англии и приближался к Новой Зеландии.

– Повторяю вам, сэр, – говорил мистер Мизон, – что наследственность авторского права высоко чтится нашей страной! Мы дальновидны. Одно поколение добывает деньги, следующее – покупает на эти деньги титулы. А ваши титулы? Вы занимаете высокое положение, сэр, но ваш отец был, вероятно, такой же торговец, как я!

– Не совсем верно, мистер Мизон! – отвечал ему лорд Холмерст. – Скажите мне лучше, кто эта красивая девушка, с которой беседует моя жена?

– Теперь, сэр, – продолжал, не слушая его, Мизон, который, как все буржуа, питал суеверное благоговение перед аристократией, – я делаю хорошие дела… у меня есть капитал… помешает ли моему наследнику, – допустим, что у меня есть наследник, – воспользоваться этим капиталом и с его

помощью занять такое же высокое положение, как ваше?

– Верно, совершенно верно, мистер Мизон. Прелестная мысль… Простите… Я вижу, моя жена делает мне знак подойти! – он быстро пошел, сопровождаемый Мизоном.

– Джон, дорогой мой! – сказала леди Холмерст. – Позволь тебя познакомить с мисс Смиссерс! Это автор чудной книги, которой мы так увлекались! Мисс Смиссерс, мой супруг!

Лорд Холмерст, не особенно далекий в делах, очень любил красивых женщин. Он вежливо раскланялся с Августой и любезно заявил ей, что необычайно рад познакомиться с ней. Мистер Мизон застал эту сцену и, удивленный, остановился, соображая, что ему делать. Леди Холмерст, не поняв причины его замешательства, хотела представить его Августе. Когда он двинулся к ней, протянув руку, Августа, твердо решившая не иметь ничего общего с ним, отвернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.